

The background image is a painting of a woman with long, wavy blonde hair, seen from the back and slightly to the side. She is wearing a yellow top. Her hair is blowing in the wind. In the background, there is a large, gnarled tree with thick branches, and a landscape with a body of water and a cloudy sky.

"Дикая Бара" ядерного полигона

Людмила Зубарева Эсса

Людмила Зубарева Эсса

«Дикая Бара» ядерного полигона

«Автор»

2024

Зубарева Эсса Л.

«Дикая Бара» ядерного полигона / Л. Зубарева Эсса — «Автор»,
2024

«Дикая Бара ядерного полигона» – это и завершённое произведение, и первая часть романа «Бегущие в солнечном ветре» - это повествование о необыкновенных приключениях, ошибках и победах, наблюдениях, казусах, курьёзах, порой, каких-то странных, но, несомненно, способствующих приобретению бесценного житейского опыта, это моё удивительное путешествие по жизни, это история становления, достижений и неудач девочки, девушки, женщины – художника.

© Зубарева Эсса Л., 2024

© Автор, 2024

Людмила Зубарева Эсса

"Дикая Бара" ядерного полигона

Дикая Бара ядерного полигона

Предисловие

Каждый человек, рождённый на нашей прекрасной планете, (в том числе и я), и ещё доверчиво пребывающий в радужном неведении перед самым началом освоения этого мира – пока не понимает того, что нужно бороться и многое преодолевать, чтобы добиться в жизни чего-то стоящего.

А над этим беспомощным существом уже скапливаются и работают бесчисленные поля, законы, силы и энергии, главными проводниками которых, видимо, и являются родственники этого существа или люди, оказавшиеся в это время близко.

Ими- то, в основном, и создаются некие ситуации, как небольшие тренинги, наверное, именно для подготовки этого новоявленного на свет существа, к одолению будущих великих трудностей и решению проблем, которые могут свалиться на его бедную голову в таком большом и ещё непонятном ему мире.

Но за пределами понятия «в основном», как раз и стоит то, над чем не властны ни родные, ни близкие, ни сам этот человечек.

Ведь не всегда и не всем помогают мольбы о каком-то ожидаемом благе или о некоем чудодейственном бонусе к высшим или божественным силам невероятного таинства великого разума. Его сила и энергия, видимо, и является устройтелем и руководителем ему только известного миропорядка.

Скорее всего, эта божественная сила верховного разума и продвигает и управляет всеми механизмами того мироустройства, уклада жизненных процессов, позволяющего или не позволяющего кому-то чего-то добиться, что-то преодолеть, да и просто выжить, пройдя великий строгий отбор, это чудовищно могучее и важное сито жизни, просеивающее и отбраковывающее, всезнающее и всеобъемлющее.

И лишь в этой великой власти центральной божественной силы, дать или не дать возможность, шанс тому, пришедшему в эти величайшие просторы жизни существу, той маленькой беспомощной песчинке, пройти свой собственный и единственный, в своей неповторимости путь, в нашем огромном мире, как чудесных, так и отвратительных сил.

«Как ты ещё выжила?» изумлённо восклицал мой муж Владислав, прошедший свой собственный интереснейший и сложнейший армейский путь, достойный описания в увлекательном романе или повести.

С великим любопытством и участием он выслушивал очередной рассказ о моих необыкновенных приключениях, странных ошибках и победах, наблюдениях и казусах, курьёзных, а порой, и таких бестолковых, но, несомненно, способствующих приобретению мной бесценного житейского опыта.

Удивительные истории из моего детства, юности, становления моего творческого художественного пути, с небольшим анализом внутрисемейных или исторических событий, по моему, как-то схожи с повествованием мною любимого Фореста Гамба, с его историями, сравнимыми со странностью траектории полёта эфемерного светлого пёрышка. Историями, сравнимыми с движением той микроскопической точки жизни, доверчиво скитающейся над этим

великим и прекрасным, но и беспощадным миром, песчинкой, гонимой какой-то неведомой и вездесущей силой и, может быть, загадочным солнечным ветром.

Дикая Бара ядерного полигона

Семипалатинский ядерный полигон стал известен всему миру ещё в середине двадцатого века, как наша советская Невада, как плацдарм для испытаний ядерного оружия.

Совсем рядом находился город Семипалатинск. Но, не так давно, я не нашла его на карте. Оказалось, что исторически обоснованное название города, находящегося на семи холмах – палатах, заменили названием Семей.

Будто этим приёмом можно было скрыть что-то постыдное, обличающее и напоминающее всему миру о вреде, тогда причинённом людям, и до сих пор почему-то не доказанном и недостаточно исследованном.

И вот, меня и брата, и даже маму, и бабушку угораздило именно там родиться. Кто же тогда знал, что там, буквально на наших глазах, станет формироваться радиационная зона, как следствие и результат подземных и надземных ядерных взрывов, сотрясающих город и днём и ночью. От силы взрывных волн вылетали стёкла из окон домов города. Оказывается, эта зона, в которой оказался Семипалатинск, была опасна для здоровья и жизни всего живого!

Но тогда все ещё и не догадывались о последствиях страшного влияния на организм людей, животных и всю окружающую природу радиоактивных излучений, о том, что смертность от онкологических заболеваний в Семипалатинске и близлежащих к нему районах будет увеличиваться с каждым годом ядерных испытаний на полигоне и ещё много лет после их окончания.

В тот день всё шло неплохо, и солнечное утро, и добрые врачи в палате. Но ровно в полдень, в момент моего рождения, за окнами сгустилась тьма, стёкла в окнах задребезжали, двери захлопали, и вдруг началась песчаная буря, вероятно пришедшая из юго-восточных пустынь, а может, даже с Гималаев или из Тибета, что было нередким явлением в нашей Средней Азии.

Песчаные бури, как и многие катаклизмы природы, а в их числе и стихийные бедствия, и катастрофы, возможно, есть и всегда были результатом воздействия на нашу земную атмосферу энергий солнечного ветра, порождаемого гигантскими протуберанцами, регулярно вспучивающимися пенистой накипью на раскалённой поверхности солнца.

По гипотезам и умозаключениям известных всему миру учёных, Чижевского, Вернадского и других исследователей этой области научных знаний, не только в биологической, живой природе наблюдалось влияние несущихся с нашего солнца, потоков солнечного ветра.

По их мнению, сила этого влияния издавна сказывалась и управляла многими, а может и всеми историческими событиями и процессами развития цивилизаций на нашей планете. А ведь их было немало, как доказывает нынешняя наука.

Взлёты и падения государств, появление великих личностей в истории, как двигателей прогресса, возникновение глобальных научных открытий, активизация развития культуры, искусства, и даже здоровье и эпидемии, всё управлялось и регулировалось этой энергией солнца, которая доставлялась на нашу Землю тем самым солнечным ветром, сверхсилой его потоков, как разрушающих, так и созидających.

Во всяком случае, моё появление в этом мире было ознаменовано и сопровождалось каким-то непонятным тогда явлением, и, может быть, даже тем самым солнечным ветром, возможно, даже управляющим силой и активностью ядерных испытаний на близком полигоне, возможно, силой, поднявшей плотной, горячей стеной до небес бурю в пустынях Монголии или Китая.

И эта буря, взметнувшая с барханов песок, долетела до нашего города, заставив задребезжать стёкла в окнах зданий, нависла тёмным пологом над городскими цветущими садами,

розариями и старым сосновым бором за Иртышом, в котором когда-то утонул наш покоритель Сибири Ермак.

И тогда кто-то из врачей пошутил, а может, это была вовсе и не шутка, «Вот и родилась дикая Бара». В то время особенной популярностью пользовался чехословацкий фильм «Дикая Бара», видимо этот кто-то провёл некую свою аналогию по признакам метеорологических событий, так прорезюмировав появление на свет новорождённой девочки. Можно напомнить сюжет того фильма по одноимённому роману, о давней истории девушки Барбары, которую звали Барой, обладающей паранормальными способностями.

Но, вопреки ожиданиям неординарного поведения «Дикой Бары», я оказалась очень тихим беспроблемным ребёнком, и мама потом рассказывала, что часто заглядывала в мою кроватку, чтобы убедиться, жива ли я там ещё, настолько там было всегда тихо.

А там я, молча и стойко уже преодолевала все свои первые испытания в виде известных всему миру детских казусов, и лишь доверчиво улыбалась всему миру и склонившимся ко мне родным лицам. С самого детства я не знала слово «Хочу», мне известно было только слово «Надо», и воспитывались мы с братом в спартанском духе, без нытья, без капризов, без излишеств.

Все события моей маленькой жизни походили на пазлы, складывающиеся в одну общую картинку, которая в свою очередь была пазлом другой, уже большей картинки – моей семьи, а та, уже являлась частью пазловой картины страны, потом всей планеты, испещряемой многими полями, траекториями, энергиями биллионов историй, судеб, душ и жизней, называемого энергетическим полем Земли, изучаемым ещё великим Вернадским.

И, наконец, пазл нашей планеты входил в картинку нашей Вселенной, а дальше – пазл Вселенной, управляемый гигантским великим Разумом, Богом, вставлялся в общий Космос, вместе с другими бесконечными мирами и управляемый ещё более великим и могущественным, всевидящим главным центральным Разумом.

И можно только недоумевать, как же Он, этот высший Разум, может эту песчинку, меня, к примеру, рассмотреть, определить, дать или не дать ей шанс пройти свой путь, чтобы, в решаемое его великой волей время, завершить или продолжить её, этой песчинки, историю.

Беглецы

Несомненно, что на формирование меня как личности, влияли и наши частые перемены жительства, климата, близкие от места моего рождения ядерные испытания на Семипалатинском полигоне, да и спартанский образ нашей жизни.

Мы ведь очень часто переезжали, словно какая-то сила гнала нас всё дальше и дальше, будто эта сила прятала нас, уводила в более безопасные места.

Может и работа отца в геологоразведке была прикрытием от чего-то большего. И его желание и поиск перемен, было стремлением найти нечто лучшее и новое в жизни. И эта неудовлетворённость находила выход в перемещениях в пространстве, его частых переездах, под действием реальных событий, как бы провоцирующих этот процесс.

А может, так называемая интуиция отца, а скорее, его сильный Ангел-хранитель не позволяли ему рисковать нашими жизнями, и он, таким образом, спасал нас от некоего плохого, и даже трагического исхода. Будто нас преследовала какая-то странная могучая сила, подгоняя своей неизбежностью. И тогда, благодаря родителям, наша семья всегда успевала улизнуть от какого-то разрушительного рока.

Ведь после того, как мы уезжали из какого-то очередного города или посёлка, там неизменно, рано или поздно, случалась какая-либо катастрофа, что-то взрывалось, гибли люди, начиналась война. И, если проанализировать все наши переезды, то легко можно обнаружить эту странную закономерность.

Начиная с Семипалатинска – ядерный полигон, много жертв,
Майна, Саяно-Шушенская ГЭС – катастрофа после нашего отъезда, гибель людей,
Ачинск – арсенал взорвался, когда мы уехали, погибли люди,
Джамбул, рядом арсенал Арысь – взорвались склады с ядерными боеголовками, вскоре
после отъезда нашей семьи,

Одесса – трагедия в Доме Профсоюзов и война на Украине, уносящая жизни людей, а
ведь наша квартира находилась всего в ста метрах от Дома Профсоюзов,

Катастрофа на Чернобыльская АЭС, эта трагедия миллионов жизней, случилась в ночь,
когда я уехала из Киева.

В столицу Украины я возила картины на выставку в Союз художников, что необходимо
было для моего вступления в его члены. Но мне пришлось уехать раньше остальных, чтобы
успеть к своему дню рождения, который мы должны были отметить с родителями.

Вот тогда-то всё и случилось. Чернобыль, Припять, Киев оказались в эпицентре траге-
дии. А я в это время уже подъезжала в поезде к городу Одессе, где уже пятнадцать лет прожи-
вала вся наша семья. Мне отчего-то не спалось, какое-то беспричинное странное беспокойство
охватывало душу, и, наконец, в ночное окно вагона я увидела, как небо вдруг странно окраси-
лось в красный цвет.

Тогда многим пассажирам нашего вагона было тоже как-то тревожно и всем показалось,
что необычно красное ночное небо, это какое-то космическое явление, схожее с северным сия-
нием, ведь рассвет должен был начаться ещё нескоро, а небосвод уже горел багровым предрас-
светным оттенком.

Людям в стране тогда ничего не сообщили, был выходной, все загорали и в Киеве, и в
Припяти, и в Чернобыле, и во всех районах заражения и в России, и на Украине, и в Белорус-
сии. Все радовались хорошей погоде, и какому-то особенно жгучему солнцу. Помнится, что
многие в те дни заметили, будто загар обжигает кожу скорее, до волдырей за короткое время
пребывания на солнце, болели головы, отчего-то подкатывала тошнота.

У нас, в Одессе, только через несколько дней жителям города сказали, чтобы прикрывали
головы платками и кепками. И всё. А позже мы узнали, что руководство городов, попавших
под облучение, выехали сами и вывезли подальше свои семьи в тот же день катастрофы. Насе-
ление этих городов оповещено ими не было, и люди продолжали загорать под радиоактивным
облучением все выходные дни.

А потом в Одессу стали приходить автобусы с детьми из Чернобыльской зоны. Их разме-
щали в санаториях и детских пионерских лагерях, им давали пить красное виноградное вино,
которое должно было выводить радионуклеиды из облучённого организма.

Больницы переполнились людьми с онкологией, пляжи закрыли, так как радиационный
фон всё же был очень высокий, и особенно он проявлялся на берегу моря.

Привезённые дети – подростки, расселённые в санаториях, спешно начинали самостоя-
тельную взрослую жизнь, поговаривали местные, что они уже разбиваясь по парам, без осо-
бого присмотра воспитателей, оказавшись вдали от родителей. Они покупали и употребляли
водку и алкоголь без разбора, вроде бы как от радиации, а потом умирали. Кладбища безмерно
разрастались от новых захоронений, и могильщики не успевали рыть ямы.

И теперь мне даже странно праздновать свой день рождения, оказавшийся днём трагедии
Чернобыля, с тех пор я не люблю его отмечать. И мы с сыном уехали из этого славного города
Одессы, таким образом, продолжив нашу семейную традицию – бегущих в солнечном ветре.

Ведь вся жизнь нашей семьи была как бесконечное бегство, постоянные испытания пере-
ездами и необустроенностью быта, с обживанием новых мест и их покиданием, почему-то в
основном, примерно через каждые три года. И в этом был какой-то надрыв, неразрешимая

загадка. Может, мы оказались просто бегущими, влекомыми неведомой силой загадочного солнечного ветра, и в этом был смысл нашей жизни, а может, и спасения нас от какого-то великого тайного злого нечта.

Изгой

И в моей истории, скорее из-за цвета моих волос, я оказалась не то изгоем, не то «гадким утёнком», не то «выродком» семьи, то есть не такой, как все в нашем семействе, и мир моих увлечений тоже складывался каким-то другим, чуждым, порой непонятным родственникам образом, хотя поддержка и помощь от них приходили всегда.

Да и с моим братом мы были абсолютно не похожи, это и на фотографиях наших совместных было всегда заметно. Никогда никто не верил, что это мой брат.

Он был какой-то неземной ангельской красоты в детстве, и, если бы мне Бог дал подобные внешние данные, как у него, может, я стала бы знаменитой актрисой или моделью. Но, видимо, у меня было какое-то другое предназначение.

Некоторые получают дар красивой внешности с рождения, расцветают с детства, у меня же этот процесс затянулся чуть ли не до двадцати лет. Будто какая-то сила свыше хотела огрadyть меня хотя бы этим от пагубных страстей связанных с хорошеньким личиком.

Медленно и неотвратно, как распускаются лепестки необычного странного растения, раскрывались все стороны моего позднего формирования всего организма, в частности, моей внешности.

Этот долгоиграющий процесс развития девочки – подростка никак не затронул мой мозг – я всегда была отличницей, первой ученицей в классе по математике, сочинениям и рисованию, и преуспевала во многих делах с детства, например, в спорте или в разных видах творчества – в скульптуре, в декоративном искусстве, всегда избиралась редактором газет и, начиная с первого класса, выступала на сцене.

Наверное, я была противоположностью брата, не то, чтобы каким-то антиподом-уродцем, а всё во мне было другое, начиная с цвета волос, глаз, формы и строения лица, пропорций тела. Даже все мои увлечения и успехи были для него чужды и совсем его не интересовали.

И он первым заговорил о том, что я могу быть подкидышем, а он, стало быть, родной, значит, лучше и достойнее меня, какой-то там чужой. Но и сам он на родителей тоже не похож был, как внешне, так и со своими наклонностями к доноительству на меня по всяким мелочам, чем ввергал как меня, так и отца в негодование и отцовскую порку ремнём с пряжкой.

После папиного, так называемого воспитания, обычно Витьку начинали жалеть мама с бабушкой, а он, хоть и с укором, но, как-то, всё же торжествующе поглядывал на меня из под защиты их рук и... доноительство продолжалось. Но ведь оно-то меня и спасло несколько раз в жизни!

Мне кажется, что мама порой даже стеснялась брать меня с собой куда-либо, потому что я родилась другого цвета, масти что ли. Особенно после того, как несколько раз ей напомнили окружающие, что её дочь – другой породы, с этакой ехидной усмешкой спрашивая о том, что девочка, наверное, папина дочка, видимо, предполагая, что папа тоже рыжий, как и я. А папа – то, ведь такой же брюнет был, как и мама.

Тут надо сказать, что мама имела сходство с известной мексиканской актрисой латиноамериканской внешности, и фигура, просто голливудские размеры – тонкая талия, очень длинные стройные ноги, смуглая кожа, чувственные припухлые губы, выраженные скулы, и... прекрасная большая грудь.

А у меня почему-то всё было наоборот, талия не тонкая, ноги не настолько длинные и стройные, кожа не смуглая, а белая, сдобная, губы не пухлые, волосы рыжие, а не тёмные, как у всех, и прочие несоответствия нашему семейному стандарту.

Но главная трагедия всей моей юной жизни заключалась в том, что у меня почти не было... груди, то есть размер настолько долго оставался нулевым, что даже приходилось увеличивать объём своего дефекта при помощи платочков носовых или простой ваты, и это меня крайне удручало.

Лучший друг моего мужа, Мерзляков, даже где-то нашёл песню «У неё была такая маленькая грудь...» и напевал её, за что получил сразу две затрешины, одну от моего мужа, вторую от Ольки, своей жены. У Ольки была великолепная, выкормившая троих сыновей, грудь седьмого размера, правда потом её ампутировали, рак.

Я прямо заплакала, когда после операции, она вышла к нам в чёрной маечке, а впереди ничего нет, как у мужчины – плоско. Она всю свою жизнь прожила в квартирке на Петроградской стороне в Питере, а там, рядом, оказывается, был завод с какими-то радиоактивными делами. Потом Мерзляков узнал, что много жителей из этого района умерли от рака, ну и Ольку он тоже похоронил недавно.

Эта моя тайная проблема продолжал мучить меня до 25 лет, пока я не додумалась спросить у мамы, почему грудь моя не растёт, у неё-то, вон какая роскошь.

Она виновато как-то моргнула, смутилась, а потом засмеялась, сгребла ладошками воздух перед собой, будто со своей груди сняла что-то и в меня бросила, и всё смеялась, говоря «мне для тебя ничего не жаль, бери, бери...», и всё бросала и бросала в меня какой-то невидимый шар, снимая его с себя.

А я, заворожённая этим действием, вдруг стала ловить обеими руками, как в баскетболе, этот странный шар. Через некоторое время моё бельё оказалось мне совсем маловато, и я уже нацеливалась на мамины бюстты. К тому же и после рождения сына, я стала стремительно догонять мамины размеры.

Так вот, оказалась я не брюнеткой, как родители. Все наверное думали, да как это – у родителей брюнетов, дочь – рыжая. Ну, не красно-рыжая, а какого-то сложного тёмно-золотистого оттенка цвета спелой пшеницы, сейчас этот цвет называют капучино.

Золотая девочка

Мой первый учитель по рисованию, Юрий Николаевич, назвал меня «золотой девочкой». Тогда, в художественной студии, он рисовал мой портрет, проводя свой мастер-класс для учеников студии – иногда он просил кого-то из нас попозировать для обучения остальных, которые должны были толпиться за его спиной, наблюдая за процессом.

И вот, солнечный луч, проникший в распахнутое окно изостудии сквозь заросли дикого винограда, оплетающего стену, начал своё путешествие среди кружащихся пылинок. Он полз медленно по натюрмортным столикам, выхватывая из неясных теней яркие восковые фрукты и вазочки.

Вот вспыхнул розовый сочный персик, вот засияли в грозди янтарные виноградинки, с просвечивающимися тёмными косточками, вот оранжевый бочок груши замерцал, отразившись в изумрудном прозрачном кувшине.

Один за другим оживал следующий предмет в натюрмортах и в старых стеклянных стендах. Будто невидимый оператор исследовал пространство своим объективом камеры для какого-то странного репортажа. К этому времени наш учитель уже сделал карандашный набросок и готовил краски и кисти, чтобы писать акварелью мой портрет, а ученики, как обычно, столпились за его спиной.

Между тем, луч постепенно стал приближаться ко мне. Вот он коснулся моего плеча, пряди волос, толстых моих кос, лежащих на плечах, и... о чудо! !» В отражении витрины стенда я увидела себя, и как это отражение вспыхнуло в солнечном луче, упавшем на мою красную кофточку, отбросив от неё сочный алый рефлекс на мои косы, вдруг засиявшие золотом.

И ещё я увидела, как лицо моего учителя вдруг просияло, вытянулось в изумлении, и он восторженно воскликнул «Ах ты, моя золотая девочка!» Юрий Николаевич вначале замер, восхищённо онемев, ведь он был художником и умел восторгаться красотой, а может, там было ещё что-то? Энергия ли, сила ли, будущее ли...или поток нашего солнечного ветра?

Затем он изогнулся как вопросительный знак над коробочкой акварели, сидя на несоразмерно маленькой для его двухметрового роста табуретке, и начал лихорадочно быстро замешивать цвета на палитре. Он стремительно набрасывал мазки цвета на свой карандашный рисунок, порой хищно вглядываясь в натуру и, время от времени откидываясь назад, чтобы увидеть свою работу издали.

Он спешил, но изредка всё же оборачивался к ученикам и победоносно восклицал своё короткое «А-а!», «А-а!», указывая на изображение, проявляющееся из-под его кисти на листе бумаги.

Он очень гордился своим произведением, и увлечённо искал на палитре всё новые и новые оттенки. Быстрыми движениями кисти он прокладывая разнообразные красные рефлексy на подбородке, косах, шее. Он ведь знал, что такие мгновения быстро заканчиваются.

А луч, тем временем, продолжил своё необратимое движение дальше, и, скользнув по подоконнику, исчез в зелёной листве виноградной лозы за окном.

Но его сила, энергия жизни, заставившие нас восторгаться, изумляться прекрасному, остались в том портрете, который я ещё раз увидела, только много лет спустя, посетив моего старого учителя в его маленькой квартирке на Молдаванке в Одессе.

Портретик казался теперь совсем небольшим, но висел среди самых удачных работ учителя на стенке. Акварельный портрет был аккуратно оформлен под стекло, в скромную дешёвую рамочку, как и все остальные его работы.

Мой первый учитель тогда ещё преподавал, и очень гордился своими лучшими учениками, которых он подготовил к большому плаванию, то есть к обучению в художественных училищах, институтах и Академиях.

Он громко и ясно рассказывал о нас родителям своих новых учеников, своим сотрудникам и посетителям. Он показывал всем наши ученические акварели и рисунки, из которых обустроил выставку прямо в студии, и некоторые новые его ученики даже копировали наши детские работы.

Одну из моих, композицию получившую приз на международной выставке, точно скопировали. В композиции, выстраданной мной, политой слезами, протёртой до дыр, но с помощью учителя, подклеенными с изнанки отверстиями, в этой композиции, прошагавшей со мной много километров из деревни, где мы жили, до изостудии в городе, изображено было звёздное небо и мир под ним – тема, над которой я работаю всю жизнь.

А громкий голос нашего учителя слышен был даже на улице. Он вырывался из распахнутых окон изостудии и перекрывал гулы, звоны и крики, доносившиеся из грузового порта, начинающегося внизу, аккуратно за чудесной старинной колоннадой, что возвышалась возле нашего двора пионеров.

Говорил он громко, потому что контузия, полученная им на фронте, привела к частичной потере слуха, поэтому децибелы громкости его голоса порядочно зашкаливали.

Но он сумел научить нас главному, любви к жизни, к прекрасному, умению видеть, замечать эту красоту, ценить её и, по-детски наивно, откровенно восторгаться ею, будто увиденной впервые.

Мы с братом обычно делали уроки в гостиной, сидя напротив друг друга за большим круглым столом, крытым льняной скатертью, красиво вышитой крестиком по канве нашей мамой.

Когда Витя мечтательно поднимал глаза вверх, если не ладилась задача, он будто ждал, чтобы я ему помогла, а я в это время замирала и восхищённо вглядывалась в эти огромные голубые озёра, доверчиво живущие какой-то своей, самостоятельной, особенной жизнью на лице моего брата.

Меня всегда изумляла серо-голубая глубина его глаз, прозрачных, до невинной чистоты топазовых бусин, оттенённых длинными тёмными ресницами, чёрные брови вразлёт и пепельные волосы. Губы были небольшие и пухлые, а кожа какая-то нежно-молочная, словно светящаяся изнутри.

Хоть он и был старше классом на год, я помогала ему решать задачи и примеры, а он иногда даже прикрывал меня собой от ремня отца. После контузии на фронте, видно у того нервы были ни к чёрту, поэтому иногда он хватал свой ремень, как средство и оружие воспитания.

Так было и в тот раз – брат успел подставить свою спину, заслонив меня, то ли специально, то ли случайно попав под раздачу. И армейская пряжка со свистом хрястнула по его худым лопаткам. Отец отбросил ремень, лязгнувший металлом об пол, сел на табуретку и обхватил голову руками.

Мой бедный брат кричал, как подстреленный оленёнок, тоненько и жалобно. Я подвывала, забившись под свою кровать, где было моё гнездовье для плача и лежбище от наказания. Обычно все попытки бабушки выместить меня оттуда веником, оказывались безуспешны, потому что я сплющивалась, как только могла в дальнем углу.

Слёзы мои лились на пол, и вскоре натекла лужица. На шум прибежали мама с бабушкой и обнаружили багровый наливающийся рубец на спине брата. «Совсем одичал в своей тайге», – пробормотала бабушка, презрительно прошаркав мимо отца на кухню за медвежьим жиром, чтобы смазать бурый результат воспитательной акции.

А ведь когда мы с братом были поменьше, то иногда отчаянно с ним дрались, теперь и не вспомнить за что, но порой упрямая непримиримость точила наши юные сердца, и какое-то соперничество тоже было, хоть я не переставала его любить, да и он меня тоже – ну просто какой-то странный эффект раздвоения сознания

Эффект раздвоения

А эффектом раздвоения сознания я называю двойственность отношения к человеку или событию. Так иногда бывает, когда, и любишь, и не любишь человека, и уважаешь, и не уважаешь, и вроде глупы его поступки, и на грабли он наступает постоянно, но ты не можешь его не любить, а наоборот, какая-то сила к нему подтягивает, будто сам от этого раздваиваешься вдруг, и нет однозначного ответа.

И, если он верит всем, потому что доверчив, не понимая, что его доверчивость уже видна со всех сторон, как через увеличительное стекло, то мне всё равно его жаль, оттого что он хоть странным до смешного и кажется, а скрытная порядочность в нём всё же сквозит.

Просто он частенько ошибается и всем это сразу заметно, потому что он на каком-то открытом месте находится, и там уж ничего не скрыть. Так у многих ведь бывает, но они ловко прячут свои огрехи.

А он не умеет, вот и предстаёт перед всем жаждущим крови и зрелищ миром, во всей своей такой разнелепейшей «красе».

Но я его уже и люблю за это, и люблюсь его естественной нелепостью и натуральным замешательством иногда, и этой мимолётной тенью виноватой и обречённой улыбки проигравшего, как у некоторых моих знакомых или даже у известных людей, увиденных по телевизору, в некоторых областях их деятельности, совершающих такие глупейшие казусные проступки, что диву даёшься, да как же можно быть таким недотёпой.

Но оттого мне самой становится тепло и хорошо, хоть и щемит где-то глубоко за этот досадный прокол, и грызёт уже возмущённо червячок сомнения, и недоумения – мол, да как

же так можно то, а на душе всё равно как-то чище и светлее становится, хоть знаю, что никогда и не увижу этого виновника данного события больше в жизни, а он об этом и не подозревает и никогда-никогда не узнает, да и не должен знать.

Может, и я для кого-то являюсь или была для некоторых таким образом двойственности сознания, как мой брат для меня, или я для него, когда мы ссорились непонятно зачем, может, надеясь, что всё обозначится чётче, понятнее, правильнее, пройдя испытание раздвоения, как бы пропущенное, через линзу правды, вот только чьей правды то?

Почему я так назвала это явление? Просто в этом удивительном мире странных даров и открытий, лжи и предательств, откровений и необычайных событий, есть очень известные деятели, или некоторые наши прохожие или попутчики, обладающие примерно такими характеристиками и к ним у меня именно такое отношение, хоть и знаю, что всё равно сделать выбор необходимо. И выбор будет там, где правда, ведь в правде – сила, а раздвоение сознания, это всего лишь поиск этой правды.

Ведь у каждого в жизни есть истории, о которых и вспомнить – то стыдно и неприятно, и о них никто не знает, а вот у некоего моего знакомого, или у известного политика, или у медийной личности – всё на виду. Но не судите, и не судимы будете!

Наверное, поэтому, согласно этой двойственности, мы с братом и воевали в детстве, любя, и, может, этим спасали друг друга, готовясь к большим и серьёзным испытаниям и борьбе в жизни.

И тогда соседи, большие дяденьки, которые обычно в домино за столом во дворе играли, это когда мы ещё в Сибири жили, опешив от увиденного, переговаривались, – «Глянь, сцепились, как львы...», когда мы с братом, рыча, красные потные и злые, разъярённым клубком проносились мимо.

Сибирь

В Сибирь нас занесло, когда отец узнал, что в Семипалатинске жить опасно для жизни, после того, как он увидел гриб в поле. Гриб был ядерный.

Они, группа геологов, работали в поле, тут бежит военный и кричит, всем лечь лицом в землю, голову не поднимать. Но отец высунулся из-за кочки и увидел неподалеку столб дыма со шляпой сверху, как на картинках, и земля задрожала.

Тогда часто Семипалатинск, в котором мы все жили, а мы с братом и даже мама с бабушкой, родились, трясло от взрывов, так, что окна вылетали. Полигон то ядерный был совсем рядом с городом, жили, как на пороховой бочке – каждый день по несколько взрывов.

А когда отец свой партбилет на стол положил – не стал подписывать документы на вывоз вагонов сливочного масла с завода, узнав, что кому-то в карман – тем, у кого сейчас дворцы, то и выход нашёлся сразу – в Сибирь.

Ну, не на каторгу, и не в ссылку за правду-мать, а на работу в геологических экспедициях по поиску новых месторождений алмазов и золота. Там он сразу после войны начал работать начальником геологоразведки, организовывая группы геологов по поиску редкоземельных элементов на востоке страны. К тому же, он надеялся, что в Сибири и воздух чище, чем на ядерном полигоне, и люди порядочнее.

Помню, как на старом пазике мы пробирались через перевалы в Саянах. Была поздняя осень, беспрерывно лил дождь, вечерело. Дорога на серпантине раскисла, и наш пазик застрял на очередном крутом подъёме. Все выгрузились в грязь и стали выталкивать автобус.

Нас с братом мама поставила на обочине дороги, а сама побежала толкать автобус. Она была в своём красивом терракотовом пальто, промокшем на плечах и в шляпке с вуалькой, а короткие ботики на её стройных голливудских ногах Барби, зачерпывали грязь.

Я подобралась к краю серпантина и смотрела вниз. Со скалы открывалась почти бездонная пропасть. Далеко внизу, еле видимый в тумане ущелья, змеился серебристой ниточкой горный поток.

Подбежала мама и плача схватила меня, она испугалась, что я шагну туда. Между тем, автобус был вытолкан из грязевых промоин, пассажиры, мокрые, но довольные победоносной схваткой с разбушевавшейся стихией, рассаживались по своим местам. Продолжалось освоение серпантинных Хакасии на подступах к Енисею.

А брат тогда к краю пропасти не подошёл – он был умный, и, наверное, Бог его оберегал, может, чтобы он меня оберегал и спасал. Ведь брат меня спас несколько раз в жизни, не я его, а он меня.

Может и в драках с ним, выковывалась во мне сила, и доносил-то он на меня родителям, чтобы спасти, пусть и неосознанно, ведь хотел то он им доказать, что я плохая, но этим фактически и спасал. А доносил он частенько, видимо было, что, и это родителями поощрялось. От меня же за это он заслужил хлёсткое «доносчик», в ответ получив прозвище «жирная свинья».

В оправдание скажу, что была я просто плотного телосложения, а он был худ, и бабушка как-то проговорила, что он, возможно, завидует. Пусть иногда он и перегибал, но я жива, а вот его уже нет.

В Сибири мы попали на строительство Саяно-Шушенской ГЭС. Нам выдали комнату в бараке для строителей с огромным, тёплым коридором, со свежеевыкрашенным полом, где зимой разрешалось бегать и шуметь, чем мы, дети и занимались, а нас там было много.

Среди всех выделялся мальчик с ужасным лицом, обваренным кипятком, который пугал нас, и все дружно убегали от него и дразнили его. И мы с братом участвовали в этой дикой травле несчастного мальчика, который хотел со всеми играть.

И никто не сказал нам, что так нельзя, ведь все родители в это время были на работе – они строили ГЭС, которая через некоторое время взорвалась, погибли люди.

Хакассия. Майна

Иногда отец приводил всю нашу семью на крутой скалистый обрыв над Енисеем, показывать великое строительство Саяно-Шушенской гидроэлектростанции. Оттуда открывался величественный вид на горы, тайгу и тёмно-синий Енисей.

Ревели гружёные самосвалы, беспрерывно везшие грунт куда-то далеко, бульдозеры и экскаваторы гребли, рыли и грузили. Вся наша котловина цивилизации среди тайги была наполнена гулом машин, криками рабочих, запахами бензина, солярки и ошмётками грязи, вылетающими из-под колёс натужено урчащих грузовиков, выбирающихся по проторённым колеям наверх, в горы.

А мы с мамой, одевшись в светлые крепдешинные платица и соломенные шляпки с ленточками – у мамы сиреневая, у меня голубая, наблюдали этот великий клубок энергий, состоявший из телодвижений, звуков, непонятных слов и команд начальников и прорабов, запахов горячих моторов и снующих машин.

И нам было всё очень хорошо видно сверху – из нашего маленького удивительного островка покоя, с зарослями цветущей черёмухи, найденного родителями над крутым обрывом, нависающим стеной над самой стройкой.

Брат тогда щеголял в шортах, а папа сменил свои экспедиционные ватные штаны и телогрейку с накомарником на шляпу, галстук с костюмом, и рубашку с запонками, которые он не любил, наверное, потому, что не умел ими пользоваться, и все мы дружно помогали ему вдевать их в манжеты. Он был свежеевыбрит и надушен популярным тогда тройным одеколоном.

В общем, всё наше семейство составляло некий нелепейший контраст со всеобщей суматохой, творившейся на гигантской стройке, но, наверное, в то же время, праздновался какой-то знаменательный день с флагами и музыкой.

Вокруг высились горы, и тайга подступала к самому посёлку. Иногда в наш городок под названием Майна забредали медведи, или прямо по центральной улице пробегали олени.

По обочинам, непроходимых от густой и вязкой слякоти улиц, строились дощатые тротуары, а на самих дорогах самосвалы погружались по оси в грязевую жижу.

Мама умудрялась цокать каблучками туфель по свежеструганным чистым доскам тротуаров на работу. Она одевалась в шёлковое платье и пыльник, кружевные перчатки и фильдеперсовые чулки со швами, державшиеся на круглых розовых резинках, носила маленькую шляпку с вуалькой, делала маникюр, перманент и любила яркую губную помаду.

Мы с братом дожидались её с работы на крыльце. Наконец, хлопала калитка, и она впархивала во двор с огромным кульком белой пастилы, напоминавшей клавиши соседского аккордеона, или со стопой новых больших книжек с красивыми яркими картинками.

Сказки Пушкина и Маршак, читаемые долгими зимними вечерами мамой или бабушкой, чудесные иллюстрации этих больших книг, становились нашим главным достоянием и образом совершенства и красоты

Мы стали вести полу-светский, полу-крестьянский образ жизни, ведь с нами путешествовала моя любимая бабушка, а в своё время она прошла большую школу хозяйствования. После того, как дедушку репрессировали и расстреляли в 1932 году, она пятьдесят три года прожила вместе с нами, как вторая мама.

Когда дедушка Игнат был жив, у них было своё хозяйство, ткацкие станки, красильня, большой трёхэтажный дом, овцы, коровы, кони, поля, лес. Когда дедушку репрессировали, бабушку с тремя детьми выгнали из их дома, а в нём разместили местную администрацию города.

Из всего прежнего добра у неё остался только узелок с её рукодельными работами, она ведь прекрасно управлялась на ткацких станках в их мастерской, и я всю жизнь храню её прекрасные изделия ручного ткачества – небольшой коврик со сложным орнаментом, тканые узорчатые пояса, простынь и скатерть с кружевами ришелье.

Бабушка вынуждена была ютиться где-то и как-то выживать. Один ребёнок, ещё маленьким, умер от голода, старшего сына она отдала временно в интернат, и он всю жизнь не мог ей этого простить.

А мою маму ей приходилось оставлять поначалу в чужом доме, и маленькая девочка сидела весь день тихо в уголке, чтобы только не выгнали на улицу, и ждала, ждала свою маму с работы.

Вскоре бабушку взяли работать воспитательницей и гувернанткой в семью китайского консула, и мама стала воспитываться в семье, где росли два китайских мальчика её возраста.

Они играли и занимались все вместе, потому что жена этого консула была русская, и она хотела привить своим детям русскую культуру при помощи моей бабушки и мамы.

Когда началась война, и мама уже была студенткой, в Семипалатинск стали привозить изголодавшихся людей из блокадного Ленинграда. Во всех учебных заведениях появились учителя ленинградцы – очень умные и высококвалифицированные специалисты. Благодаря их обучению, мама смогла работать в министерстве финансов и ворочать миллионами в восемнадцать лет. Её так и называли – «восемнадцатилетняя миллионерша».

Потом город выделил им комнатёнку в подвале, в который и отец пришёл к маме, ещё будучи студентом, уже после войны, в этом подвале и мы с братом родились.

Несмотря на то, что мама ходила на работу в шляпке с вуалькой и в маникюре, ей приходилось пасти в горах нашу корову, которая, надо сказать, попалась резвая и всё норовила сбежать.

И наша красавица мама, со своими голливудскими достоинствами, в сбившемся на затылок простом платке, в отцовской огромной телогрейке и кирзовых сапогах на босу ногу, гонялась с хворостиной по горам, по долам за своенравной упрямницей, несмотря на угрозу нападения медведей.

Зато корова нагуливала много молока, доили мама с бабушкой конечно вручную. Была у нас и маслобойка и, следовательно, появилось своё масло.

В кухне поставили прялку, на которой бабушка пряла пряжу из своего козьего и гусиного пуха, а мама потом вязала из этих ниток всем тёплые носки и варежки, спасающие нас в сибирские лютые морозы. Развели и гусей, и уток, и кур со злющим петухом, который обязательно нападал на всё движущееся, и в первую очередь на меня, поскольку из всего окружения оказалась я самой маленькой и беззащитной.

Построили зимний тёплый свинарник – как родители потом смеялись, что они в Сибири развели свинство и превратились в куркулей. Значит, у нас уже были свои и мясо, и молоко, и масло, и яйца.

Они выживали, как могли, за всякое дело брались с радостью, даже с каким-то юношеским азартом. Всё было для них впервые, для них, переживших войну, голод, а отец и тяжёлую контузию на фронте.

Саяны, Хакассия, тайга с её величием, горы давали какую-то необычайную силу, которую я ощущаю даже и сейчас.

Они учились вести своё хозяйство, разводили животных, которых надо было кормить и поить, и воду на коромысле носить, и полоскать бельё на реке, и в лес успевать за цветами – сказочными огоньками – жарками.

Даже растили картошку на зиму по новым методам. Сажали квадратно-гнездовым способом и получали небывалый урожай, так что мешков не хватало, занимали у соседей.

И соседи удивлялись, как это городским всё удаётся, а отец им советовал сажать реже, тогда клубни вырастут крупней и будет их большее количество.

Бывали, конечно, и ошибки, и промахи. Как-то родители привезли с нашего участка целый самосвал мешков с картошкой, выгрузили в подпол. А весной вода поднялась к самому полу, открываем крышку, а вода уже снизу на пол полилась, так и затопило весь урожай.

Отец смастерил заплечные короба для ягод, и они с мамой ездили на грузовике с другими людьми с их работы в тайгу за малиной, смородиной или грибами. Возвращались уставшие, с коробами и вёдрами полными ароматных таёжных ягод или грибов и падали без сил, отсыпаться, потому что выезжали затемно.

А мы с братом и бабушкой тихо разбирали их добычу и усаживались очищать ягоды от хвостиков и сора – на варку варенья. Бабушка ставила перед каждым по стакану с малиной – норма, если хочешь малинового варенья зимой.

Каким же он тогда казался гигантским и бездонным! Всегда вспоминаю этот стаканчик, когда выбираю малину, этак килограмм пять со своего огорода на даче.

Видели они там и огромные следы медведей, которые хозяйничали в малинниках. Конечно, бывали и случаи нападения на людей, посмевших вторгнуться в их владения.

Ачинск

В Майне прожили мы недолго, года три. Отец узнал от знакомого врача, что проживание там было опасно для жизни – медь обнаружили в моче коров, коз, свиней – стало быть, и у людей могло быть отравление какое-то.

Поэтому мы переехали севернее, в другой сибирский город Красноярского края, в Ачинск. Отец продолжал работать в экспедициях геологоразведки по поиску месторождений алмазов и других редкоземельных элементов, которые были очень нужны стране. Там, где они

открывали кимберлитовые трубки, сейчас ведутся работы по добыче алмазов в гигантских карьерах, построены заводы и новые города, участвовал он и в организации такого нового завода.

В сезон, отец с геологами кедровали в тайге. Тогда нам домой доставлялись мешки с кедровыми шишками, и мы с мамой и бабушкой должны были их лущить, чтобы долгими зимними вечерами, на жарко растопленной берёзовыми поленьями печке, жарить ароматные кедровые орешки, а потом громко щелкать их под завывание пурги.

В Ачинске мы получили жильё сначала в посёлке Солнечном. Напротив жило многодетное семейство. Дети были одного с нами возраста, они выходили на улицу, держа в грязных руках огромные ломти белого хлеба, намазанные толстым слоем сливочного масла и посыпанные сахарным песком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.